

Как российское «энергетическое оружие» превратилось в нефтяную «подушку» и газовую «погремушку»

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 294
Сентябрь 2013 г.

Павел Баев
Институт исследований проблем мира, Осло

Трансформация мирового рынка энергии идет настолько стремительно, что аналитики стратегических трендов с трудом представляют себе последствия мощного расширения ее производства и предложения. Для Соединенных Штатов давняя несбыточная цель «энергетической независимости» оказалась достигнутой так неожиданно, что специалисты по планированию политики затрудняются определить, в чем теперь заключаются национальные интересы в регионе Персидского залива. В российской политике переход от амбиций выступать в роли «энергетической сверх-державы» к опасениям оказаться «сырьевым придатком» случился так быстро, что они переплелись в нездоровом политическом увлечении нефтегазовым бизнесом. В этой аналитической записке рассматриваются сохранившиеся у России возможности использовать экспорт энергоносителей в качестве инструмента достижения политических целей и разбираются интриги вокруг контроля над этими инструментами.

Упорное отрицание упадка

Начнем с констатации того любопытного факта, что материальный базис российских энергетических амбиций и озабоченностей практически не изменился с момента резкого перелома тенденций в первый год неоправдавшего надежд президентства Медведева. Производство нефти и природного газа несколько выросло в 2012 году по сравнению с докризисным 2007-м и по-видимому останется стабильным, так что главные новости в энергетической отрасли касались транспортировки и в первую очередь успешного завершения двух крупнейших проектов: газопровода «Северный поток» и нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО). Первый из этих широкоформатных экспортных каналов оказал некоторое влияние на транзитные раздоры с Украиной, а второй – закрепил за Россией позицию второстепенного экспортера нефти в Китай.

Недавно рассекреченные данные по запасам углеводородов подтверждают, что Россия эксплуатирует сверх всякой меры свои скромные запасы нефти (по которым она занимает 6-8 место в мире), стремясь поддерживать производство на

уровне Саудовской Аравии. Даже в фазе дефицита предложения на этом рынке Москва не могла оказывать влияния на флуктуацию цены, и сейчас предчувствия ее неизбежного снижения порождают нервозность в политических элитах. Нефтяные компании, включая госкорпорацию Роснефть, которая стала ведущим производителем после покупки раздираемой конфликтами ТНК-ВР, откровенно саботируют политические установки на освоение малоисследованных месторождений Восточной Сибири, поскольку неопределенности с налоговыми льготами накладываются на негативные оценки «стоимость-эффективность». Самыми привлекательными вариантами в этой отрасли оказываются совместные проекты с западными нефтяными компаниями, нацеленные на возобновление добычи на старых месторождениях Западной Сибири и Поволжья, где применение новейших технологий дает возможность разрабатывать сложные нефтеносные пласты.

В газовой отрасли вырисовывается совсем другая картина. Газпром наконец запустил в производство гигантское Бованенковское месторождение на Ямале, но нарастающие проблемы в корпоративном управлении не позволяют ему ни обеспечить объем прибыли, необходимый для осуществления инвестпрограммы, ни повысить эффективность путем внедрения современных «ноу-хау». Корпорация не видит необходимости в разработке нетрадиционных источников, но не может адаптироваться к стремительно разворачивающейся «сланцевой революции» и, как это ни парадоксально, становится по крупному проигравшей стороной в начинающемся «золотом веке газа». Газпром не смог вклиниться на сложный китайский рынок и оказался в ловушке на депрессивном европейском рынке, где его попытки агрессивного расширения расследуются неумолимой Еврокомиссией. Упрямое отрицание необходимости перемен в стратегии бизнеса и корпоративной культуре раздражает инвесторов и настораживает Кремль, и в результате рыночная капитализация Газпрома упала (по состоянию на август 2013г.) до трети от рекордного уровня, зафиксированного в середине 2008 г.

Модель максимизации прибыли в нефтяной отрасли сугубо несовместима с попытками использовать экспорт в качестве политического «оружия», а более политизированная газовая отрасль погружается в депрессию. Газпрому остро необходима более активная политическая поддержка, но президент Путин не намерен расходовать свой капитал в череде оборонительных стычек.

Ложные установки двух «модернизаций»

Идеология «модернизации», предложенная Дмитрием Медведевым, не заслуживает полного забвения хотя бы потому, что она была четко ориентирована на преодоление «нефтяной зависимости» путем превращения России в ведущего производителя современных технологий. Медведевская заявка на лидерство обернулась жалким фарсом, тем не менее, она привела к формированию широкого консенсуса по вопросу безотлагательной необходимости модернизации. Именно поэтому Владимир Путин, вернув себе атрибуты верховной власти, не смог вернуть в оборот идеологию «энергетической сверх-державы». Он неохотно пользуется термином «модернизация» и недолюбливает гаджеты, которые ассоциируются с этим понятием, но проводит в жизнь собственный вариант этого курса, нацеленный на восстановление традиционной индустриальной мощи, в первую очередь путем возрождения оборонно-промышленного комплекса. Общей

установкой в этих квази-стратегиях «модернизации» является необходимость перекачки ресурсов из нефтегазового комплекса в сектора, избранные для стратегического «прорыва».

С точки зрения здравого экономического смысла, путинская «реиндустриализация» столь же несостоятельна, как и медведевские «инновации», но масштабы ущерба для нефтегазового комплекса трудно переоценить. Здесь невозможно раскрыть вопрос о неподъемной стоимости колоссальной госпрограммы вооружений (см. анализ Брайана Тейлора в PONARS Eurasia Memo 254), но можно смело утверждать, что пресловутый Уралвагонзавод и десятки подобных ему древних гигантов оборонки образуют такую «черную дыру», в которой бесследно исчезают бюджетные ассигнования, что «инновационная деревня» Сколково кажется невинным развлечением.

Эта двойная несостоятельность не отменяет необходимости модернизации, но доказывает, что единственно возможным ее направлением является использование естественных преимуществ в энергетике. Этот сектор вовсе не является примитивным выкачиванием ресурсов; напротив, именно в нем академическая наука соединяется с прикладными технологическими разработками и создает богатейший набор инноваций, включая природоохранные «ноу-хау». Добыча нефти и газа безусловно являются стержнем этой высокотехнологичной индустрии, но ветви производств с высокой добавленной стоимостью расходятся от него во многих направлениях, если только их не обрубают – а именно это и происходит в России вследствие чрезмерного налогообложения, политического вмешательства и всепроникающей коррупции.

Политическая необходимость конфискации прибыли нефтяных компаний и даже Газпрома прямо противоречит их коренным интересам инвестировать в развитие бизнеса (не говоря уже о стремлении к обогащению). Результат этого столкновения интересов не устраивает ни одну из сторон.

Бульдози под ковром или потасовка Труляля и Траляля?

Невразумительность установок энергетической стратегии и падение приоритетности нефтегазовых интересов приволят к эскалации напряженности в отношениях между правительством и лобби Газпрома-Роснефти-Новатэка, а также к раздорам между хозяевами энергетических империй. Многие аналитики склонны интерпретировать эти конфликты как ожесточенные корпоративные войны, ведущиеся такими выдающимися полководцами как Игорь Сечин или тайнами стратегами вроде Геннадия Тимченко. В других комментариях этих войны превращаются в мелкие потасовки между персонажами, похожими на Труляля и Траляля, которые, как известно, решили вздуть друг дружку, но зыбывают о драке, лишь только черный ворон (в роли которого, естественно, выступает Путин) каркнет в знак неудовольствия. На взгляд автора этой записки, конфликты заслуживают серьезного отношения хотя бы потому, что ставки в них превышают бюджет его института на два или даже три порядка; тем не менее, скептический взгляд важен для полноты картины.

Представляется вполне естественным, что давление со стороны правительства на энергетический сектор, задаваемое необходимостью покрывать растущие бюджетные расходы, порождает определенную солидарность между нефтяными компаниями, которые готовы делегировать Сечину право отстаивать

их интересы. Главным форумом этого лобби стала президентская Комиссия по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, которая работает параллельно, но зачастую торпедирует работу правительственной Комиссии по вопросам топливно-энергетического комплекса, возглавляемой вице-премьером Аркадием Дворковичем. Сечин без колебаний использует свою роль секретаря президентской Комиссии для продвижения собственных интересов, например для срыва планов приватизации Роснефти. Он, тем не менее, оказался не в состоянии предотвратить конфискацию в госбюджет дивидендов, накопленных на счетах Роснефтегаза (государственной холдинговой компании, которая формально контролирует 75% акций Роснефти и 11% акций Газпрома), поскольку Путин крайне обеспокоен падением доходов.

Привилегированное положение Сечина превращает еще недавно остроконкурентную нефтяную отрасль в монополизированную область, поскольку некоторые олигархи (например Михаил Фридман и другие владельцы российской половины ТНК-ВР) предпочли продать свои ставки и переместились на другие «поляны», в прочие (например хозяин Лукойла Вагит Алекперов) предпочитают оставаться в тени. Вместе с тем, обостряются конфликты с «начальником» Газпрома Алексеем Миллером (который с ревностью следит за сечинским приближением к «трону») и с многочисленными владельцами электроэнергетических/сетевых компаний, которые подозревают Сечина в игнорировании их требований повышения тарифов на газ и электричество.

Газпром и Роснефть действуют заодно в защите своей монополии на разработку углеводородных ресурсов на континентальном шельфе, однако Сечин шаг за шагом продвигает план ограничения монопольного контроля Газпрома над газопроводами. Он также поддерживает законодательные инициативы по либерализации экспорта сжиженного газа, которые готовят почву для давно назревшей радикальной реформы этой супер-корпорации, настолько перегруженной активами и обязательствами, что ее ценность как политического инструмента стала негативной.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что олигархи нефти и газа успешно уклоняются от участия в склоках и перетрясках политических элит, вызванных развивающимся кризисом путинского режима. Ни одно из двух драматических кадровых потрясений – падение Анатолия Сердюкова и возвышение Сергея Шойгу, и замена Владислава Суркова на Вячеслава Володина в роли главного «управляющего демократией» – не оказало влияния на энергетическую отрасль. В такой же мере ни один из трех наиболее заметных политиков – Дмитрий Rogozin, который отстаивает интересы оборонно-промышленного комплекса, Владимир Якунин, который оказался в центре громкого коррупционного скандала, и Сергей Собянин, который ведет сложнейшую выборную кампанию за пост мэра Москвы, – не имеет явной поддержки от нефтегазового лобби.

Сечина часто характеризуют как представителя или даже лидера клана (а точнее, союза кланов) силовиков, но на самом деле нет никаких свидетельств перемещения средств от Роснефти на счета каких-либо силовых структур. Единственной масштабной бизнес-политической интригой, в которой Сечин

играл ключевую роль, был разгром и «огосударствление» компании Юкос в 2003-2004 годах.

Во что превратилось энергетическое оружие

Нефтяная и в значительно меньшей мере газовая отрасль будут оставаться основными производителями доходов в российской экономике, но нефтяные олигархи предпочитают позицию невмешательства в разворачивающемся внутриполитическом кризисе и оказывают незначительное влияние на формирование внешней политики. В нефтяной промышленности инвестиции в новые месторождения Восточной Сибири заморожены предчувствиями падения цен, а ближайшие планы нацелены на разработку новых горизонтов на старых месторождениях, которая возможна только в сотрудничестве с западными нефтяными и сервисными компаниями.

В газовой промышленности утративший репутацию надежного поставщика Газпром теряет позиции на ключевом европейском рынке, и каждая его попытка прибегнуть к помощи Кремля для свертывания расследования, ведущегося Еврокомиссией, или для смягчения условий «третьего энерго-пакета» оказывается контр-продуктивной из-за резких политических контр-мер ЕС. Непрерывающиеся газовые раздоры с Украиной вызывают у европейских покупателей реакцию, которая исчерпывается двумя словами: «Сколько можно?» Партнеры Газпрома с тревогой наблюдают, как российский «чемпион» готовится совершить крупную ошибку и начать строительство баснословно дорогого газопровода Южный Поток по дну Черного моря. В этом мега-проекте бесполезно искать экономический смысл, но Путина интересуют не расчеты окупаемости, а политическая составляющая.

Список достижений российской энергетической дипломатии удручает: предложения войти в долю в нефтяных проектах в Венесуэле остались безрезультатными, контракты в Ливии были аннулированы, попытки превратить Форум стран-экспортеров газа в работающий картель окончились ничем, что и подтвердил московский саммит этой недо-организации в июле 2013 г. Кульминация финансового кризиса на Кипре весной 2013 г. сопровождалась шквалом предположений о намерениях Газпрома установить контроль над Афродитой и другими месторождениями газа, но к осени в сухом остатке не оказалось ни одного евро инвестиций. Единственное место, где Россия реально вложила в энергетические проекты и оказывает влияние на политическую ситуацию – это северный Ирак, при этом Газпром-нефть подписывает соглашения о разделе продукции с правительством Курдистана, не обращая никакого внимания на возражения Багдада.

Необычайная стабильность нефтяных цен маскирует глубину сдвигов на мировых энергетических рынках, и опасения, связанные с обвалом цен, вытесняют у российской полит-элиты необходимость осмыслить масштаб этих изменений. Основной смысл сечинского плана превращения Роснефти в доминирующего лидера нефтяного сектора заключается в использовании преимуществ, обеспечиваемых политическим контролем, которые однако могут оказаться мнимыми. Газпром дает убедительнейшее доказательство тому, что политическое вмешательство наносит непоправимый вред бизнесу, но при этом превращение экспорта газа в политический инструмент наносит большой ущерб и самой

политике. Размахивая воображаемым газовым «оружием», политик внезапно обнаруживает, что он вооружен погремушкой.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org